

Ануш Варданян

МОЙ ПАПА-САПОЖНИК И ДОН КОРЛЕОНЕ

ТРАГИКОМИЧЕСКАЯ СЕМЕЙНАЯ САГА

Москва
АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6
В18

Серийное оформление: *Марина Акинина*
В оформлении обложки использована работа
Александра Заварина

Иллюстрации: *Владимир Трепещов*

Макет подготовлен редакцией АСТРЕЛЬ СПб

Варданян, Ануш

В18 Мой папа-сапожник и дон Корлеоне / Ануш Варданян. — Москва: АСТ, 2014. — 345, [3]с.

ISBN 978-5-17-086302-0

Сколько голов, столько же вселенных в этих головах — что правда, то правда. У главного героя этой книги — сапожника Хачика — свой особенный мир, и строится он из удивительных кирпичиков — любви к жене Люсе, троице беспокойным детям, пожилым родителям, паре итальянских босоножек и... к дону Корлеоне — персонажу культового романа Марио Пьюзо «Крестный отец». Знакомство с литературным героем безвозвратно меняет судьбу сапожника. Дон Корлеоне становится учителем и проводником Хачика и приводит его к богатству и процветанию. Одного не может учесть провидение в образе грозного итальянского мафиози — на глазах меняются исторические декорации, рушится СССР, а вместе с ним и привычные человеческие отношения. Есть еще одна «проблема» — Хачик ненавидит насилие, он самый мирный человек на земле. Адон Корлеоне ведет Хачика не только к большим деньгам, но и учит, что деньги — это ответственность, а ответственность — это люди, которые поверили в тебя и встали под твои знамена. И потому льется кровь, льется... В поисках мира и покоя семейство сапожника кочует из города в город, из страны в страну и каждый раз начинает жизнь заново...

Подписано в печать 15.09.14.

Формат 84 x 108 ¹/₃₂ Усл. печ. л. 18,48.

Тираж 2000 экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1: 953000 — книги, брошюры

© Ануш Варданян, текст, 2014

© Александр Заварин, иллюстрация на обложке, 2014

© Владимир Трепещов, иллюстрации, 2014

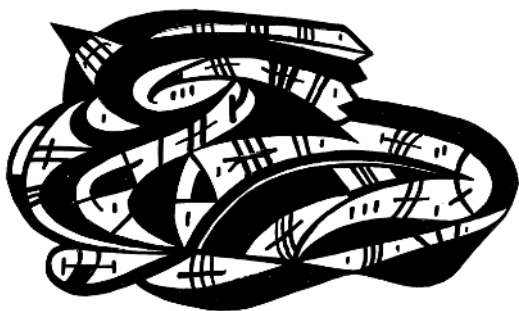
© ООО «Издательство АСТ», 2014

**Моему отцу, моему сыну и тому,
что нас всех, я надеюсь, объединяет.**

АНУШ Варданян

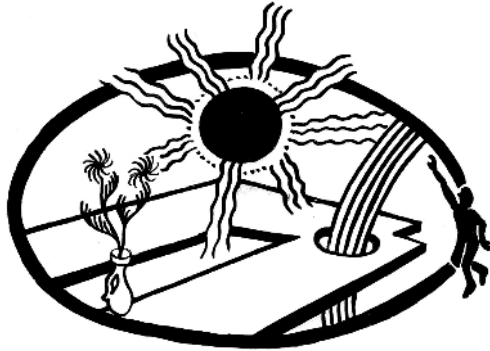
Забывать себя — вплоть до Родины.

А. Битов

Часть первая

ГОРЫ

Языками человеческими

Отец мой с трудом читал по-русски. Нельзя сказать, что он был книгочеем на своем родном языке, но по-армянски он хотя бы не заикался, составляя слова в предложения. И все же отец одолел одно произведение в мягкой обложке на русском. Это событие изменило не только всю нашу жизнь, но и, отчасти, нашу национальную принадлежность. С тех пор как отец припал к живительному роднику литературы, его начали называть «новым русским», а мы, трое его детей, стали гражданами мира. Книга, оказавшая столь революционное воздействие на нашу и на еще одиннадцать семей из отдаленной армянской деревеньки близ северных границ, называлась «*Крестный отец*» американского автора Марио Пьюзо. Конечно же, в переводе с английского на могучий язык графа Толстого. Вот она — дружба народов в действии! Таким образом, смело можно

утверждать: в деле преобразования моего родителя не обошлось без влияния великой русской культуры. Это точно! Ведь именно по-русски, под вой одичавшего в горах и залетевшего к нам в деревеньку зимнего ветра, отец мой учился быть настоящим воином духа. Да, даром такие вещи не проходят. С удовольствием расскажу почему. Об этом, собственно, мое повествование.

Из газет выписывал он лишь парочку: «*Литературную Армению*» и республиканскую «*Советскую Армению*». И не из безглазого советского патриотизма, но следуя традициям семьи. Лет шестьдесят уже его отец и отец его отца исправно подписывались на этот печатный орган ЦК компартии Армении. «*Советская Армения*» на тумбе возле дедовского кресла была одним из атрибутов патриарха — как место во главе обеденного стола, как фетровая шляпа в возрасте после сорока, как заложенные за спину руки — мы, мол, потрудились на славу в своей жизни, а теперь вот прохаживаемся и зорко оглядываем окрест, что вы тут, молодежь, творите? В шляпе из фетра я своего отца никогда не видел, а вот газету помню хорошо.

Бабушка и дед из-за газет обычно спорили, кому какую первую читать. То есть кому первую читать «*Литературку*». Ведь «*Советскую-то Армению*» не читал никто. Разглядев мутную фотографию на первой полосе и заголовок передовицы, складывали ее стопкой у печки или резали сапожным ножом на квадратики — в сортир, на гвоздь, решительно! Короче говоря, «*Советскую Армению*» не любили, и точка. Что спорить было

бабушке и деду? Однако порой доходило до потасовок. Дед, в порыве социальной активности, начинал вдруг полемизировать с красивым, волной откатившим густые волосы партийным лидером нашей республики. Вернее с его газетным портретом. Карен Демирчан был похож на князька из исторического романа, еще не решившего, чью сторону занять в междоусобной войне. Словно раздумывал, как бы не ударить в грязь лицом, но вместе с тем как бы не прогадать фатально. Дедушка стучал натруженным пальцем по лбу партийца на фотографии.

— Вот дубина-то. Говорят, его пуп повитуха на помойку бросила, собакам. Вот с тех пор он такой дубина. Шалопут.

А если дед видел, как на фото в «*Советской Армении*» наш молодой, сам себе на уме, красавец-правитель пожимал руку седому, еще более красивому и княжистому Эдуарду Шеварднадзе — боссу соседней Грузии, то и тут он, крякнув, давал свой крепкий щелобан. Правда, с совершенно иным комментарием:

— А у этого-то пуп известно где.

— Где? — отрывалась бабушка от интересной статьи в газете «*Литературная Армения*».

— Его пуп родная бабка повитухе не доверила. И сама в губернаторский дворец снесла.

— Да ну?

— Точно тебе говорю. Под пол спрятала. Поэтому он и важный такой.

— Он после революции родился. Уже губернаторов не было, — говорила бабка из-за «*Литературки*».

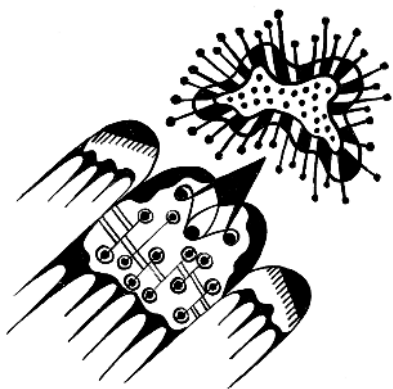
— Значит, в губернаторском дворце уже ЧК находилось, — уверенно парировал дед. — Туда и снесла.

Бабушка с «*Советской Арменией*» в полемике не вступала. Ей хватало деда. Потрепав газетную страницу, протирали ею оконные стекла или еще что по хозяйственной нужде. А мама заворачивала в «*Советскую Армению*» на лето варежки, носки и шапки. Чтобы моль не лакомилась кусачей мягкой шерстью наших овец. Стоп, мама!

С нее ли все началось или раньше? А может быть, с отца? Или еще раньше? С того, что я не мог видеть, но отчего-то помню, отчего-то вижу... Чувствую запахи и звуки неведомых шагов, скрипы колес, половиц и стволов корабельных сосен, шелест юбок, щебет птиц, грохот дождя по крышам... Все смешивается в одну длинную звуковую волну и длится, и тянется, и несется. Врывается в мою жизнь и опаляет, ослепляет, обманывает. Нет звезды, а свет — вот он! В один терпкий дым смешиваются пары над котлами и кастрюлями на многоязычных кухнях в разных странах. Ложками, черпаками, с кончика ножа или пальцем снимают пробы повара и хозяйки. Причмокивают одинаково устроенными языками, пытаюсь распознать, всего ли хватает в щах, мамалыге, босбаше или паэлье. И на разных языках объявляют родне или гостям:

— Все готово! Кушать подано! Милости просим!

Как же все просто. Но я начну все-таки с родителей.

Ангел Люся и Хачик-крестик

Отец — Бовян Хачатур Сергеевич, в просторечье Хачик, — комсомолец, бывший солист детского районного ансамбля народного танца, в урочный час был призван в вооруженные силы Советского Союза — выполнять почетный гражданский долг. У нас тогда считали, что парень, не отслуживший в армии, не может называться взрослым мужчиной. В городе, там — да. Там свои законы. Там служить охотников было мало, а у нас хоть отбавляй. Да и что делать здоровому половозрелому балбесу в деревенской тиши? Собирать табак да жать рожь до полудня? Перебирать помидоры и резать виноград в большие корзины днем? А вечером... А что вечером? Индийское кино на исцарапанной черно-белой копии, и то если отпустят строгие родители. Ведь ты еще не служил, значит, не взрослый и не самостоятельный мужчина. Вот отдашь родине должок, вер-

нешься, женишься, дай Бог, на хорошей соседской девушке, вот тогда, пожалуйста, ходи в свое кино. Но какое кино у женатого человека? Приезжая ветеринарша в раме окна в момент вечернего переодевания или оперетта «Летучая мышь» в рамке телевизора, у кого имеется конечно. Так и образовывался замкнутый круг, попав в который наши парни вырастали равнодушными к кинематографу и неподкованными в области искусств. Лишь жалкие остатки экранных сердечных сцен, призраки любовных бурь, великодушно оставленные цензурными ножницами, — вот они-то и вызывали, порой, волнение юных масс, вплоть до предреволюционной обстановки в крепких армянских семьях. Так называемая эротика выливалась на экран через живительный родник «Генералов песчаных карьеров» или рассыпалась драгоценным «Золотом Маккены». Молва о том, что в «одном кино» присутствует эпизод «с голыми грудями», каким-то невероятным образом, в считанные минуты, облетала деревню. Похоже, что слухи разносил киномеханик Арик, ездивший за копиями в райцентр. Иногда его словоохотливость дорого ему стоила. Ведь щекотливая информация доходила не только до молодежи, но и до их бдительных родителей. Например, мой дед лично саданул киномеханика Арика полевыми граблями в тот момент, когда Арик нашептывал группке юнцов со сверкающими глазами:

— ...И она повернулась и так посмотрела на него... А он руку так ей в волосы, а она, гимнастка, честное слово! Спина, как у аиста...

— Я тебе покажу, где у аиста спина. У аиста спина, где у тебя твой грязный зад! А там, где ты показываешь, у аиста шея! — закричал дед.

— Ай, ай, дядя Серёж, дядя Серёж! — визжал Арик, пытаясь увернуться от тяжелого удара.

Но деваться Арику было некуда. Стояли-то они с парнями между кинотеатром и каменным забором школы. А стены этих строений имели расстояние метра в полтора по фасаду, а затем сходились в двадцатисантиметровый проем, в который протиснуться мог только ребенок или щуплый юноша. Когда мой дед подстерег кружок по ликвидации половой безграмотности, заговорщики находились как раз на середине сужающегося прохода, подальше от шумного деревенского пятачка, где кроме киношки и школы находились также почта и медпункт. Там каждый мог засечь возбужденную агитацию киномеханика, вот они и проявили навыки конспирации, отошли на, как им казалось, безопасное расстояние. Дед издал свой боевой клич, оглушающий, нестрашный и, скорее, предупредительный. Парни поняли его верно и просочились в щель, поджав животы. Сиганули через крапиву и рассыпались по деревенским улочкам. Но Арик был тридцатилетним тружеником на ниве местной культуры. Живота хоть и не нагулял — где уж интеллигентному человеку растолстеть, с каких барышей? — зато обнаружил некоторую вялость в мускулатуре и плохую реакцию. Его-то и настигли дедовы грабли, оставив на спине и пониже косой росчерк из четырех красных полос.

— Дядя Серёж, разве можно так? — хныкал Арик и протискивался в проем.

— А вот я тебе еще раз, тогда узнаешь, можно или уже поздно.

Дед зачерпнул граблями, но Арик уже вытряхнул свое дряблое тело из каменной ловушки, а казенный сельхозинструмент, оказавшийся в умелых руках моего дедушки грозным оружием, только царапнул по стене, издав неприятный звук.

Но если для Арика неприятности на этом закончились, то моего молодого и ветреного отца Хачатура Сергеевича ждала тяжелая кара. А именно тяжелый и прямой взгляд родителя, старшины-артиллериста в запасе, сапожника в пятом поколении, а иногда и, вынужденно, колхозника. И вынести этот взгляд, поверьте, было значительно труднее, чем зуботычину. Как свидетельствует коллективная семенная память, в нашей семье рукоприкладства отродясь не применяли, и пронзительный взгляд был одним из самых грозных воспитательных действий. Помолчав, дед сказал:

— Служить пойдешь осенью в вооруженные силы.

Да, так и сказал дед, «в вооруженные силы». Хачатур повесил голову на грудь.

— Пойдешь с радостью! — приказал старик.

Но отцу моему в армию не хотелось ни с радостью, ни без. Он присел на скрипучий табурет и уронил голову в ладони.

— Проклятье на мою седую голову, Хачик! Ты что задумал?!

Папаня мой подумывал про обходные пути.

— Ты не хочешь быть настоящим воином, защитником слабых? А если завтра война? Если завтра тебе придется мать защитить, землю, кинотеатр?

Последний ли аргумент заставил отца смириться, или проклятие никогда не стать мужчиной тяготило его? Но пошел он принимать присягу, как проходить ритуальную инициацию, — больно, но надо.

Оказалось же не столько больно, сколько унижительно. В день, когда Хачатур Бовян, в домашней обстановке именуемый Хачик, давал Родине тожественную клятву защищать ее при любых обстоятельствах от всех возможных супостатов, случилось непредвиденное и малоприятное обстоятельство — воинская часть почти в полном составе отравилась чем-то и мучилась диареей. Отменить торжество было уже невозможно — приехали родные присягающих да высокие гости из штаба дивизии. После каждого «Вольно, разойдись!» не то что расходились — разбегались, рассыпались по сортирам, не соблюдая очереди, не видя срама. Так и запечатлелись на фото — у всех глаза, как мельничные колеса, — терпят из последних сил до следующей возможной отлучки.

И похоже, что это были все яркие воспоминания папы об учебке под Саратовом. Сколько ни спрашивал я потом отца, ничего интересного он припомнить не мог — ни о товарищах своих, ни о едком армейском юморе, ни о зверствах младшего офицерского состава над беззащит-

ными юнцами. То ли не было ничего такого в те времена, то ли память утеряла что-то по пути от отца ко мне. Но ведь история — это лишь зафиксированные события. То, что произошло без надлежащего закрепления на странице регистрационного журнала или мемуаров, превращается в дым. Да и он быстро развеивается. Стерлось из воспоминаний, значит, и не было вовсе. А вот дальнейшее место службы моего папы стало благословенным и перстоположенным, по мнению всей моей родни.

— Ангел указал это место военному министру нашей великой страны,— говорила бабушка, поднимая свой аккуратный и крепкий пальчик, когда рассказывала о тех событиях. — Ведь отца должны были отправить в Архангельск. Но министр посмотрел на личное дело и подумал вслух:

— Бовян? Хачатур? Нет, на севере он замерзнет. Пошлем его на юг.

Сначала я пытался выяснить, откуда моя бабка взяла в разум этот внутренний монолог министра, но бросил это занятие. Бабушка утверждала, что знает, и этого было достаточно. По мнению многих, бабушка общалась с потусторонней силой, и некоторым ее утверждениям приходилось просто верить. Ангел так ангел. Говоря короче, север остался на севере, а Хачик поехал в пехотные войска в жаркий город Душанбе. И привез оттуда молодую жену — русскую девушку Люсю — мечту любого кавказца.

Он увидел ее на улице. До дембеля месяц. Жизнь пела громкие песни, да прямо в уши. Хачик стоял возле магазина «Соки — Воды», ел быстро